

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ПАДЕЖЕЙ И ИХ ТАК НАЗЫВАЕМОМ ЦЕЛОСТНОМ (ОБЩЕМ) ЗНАЧЕНИИ И ЛОКАЛЬНОСТИ

реализацию управления глагола. Это касается некоторых случаев со вторым сказуемым к дополнению. На основе упомянутого вывода граница между вторым сказуемым к дополнению и дополнением выявляется достаточно четко: дополнение как объект действия глагола-сказуемого является компонентом интенционной структуры и, как таковой, охватывает *все* случаи, представляющие собой реализации управления²⁴ (причем это управление может быть и двойным²⁵). Этим дополнение отличается от второго сказуемого: то, что представляет собой реализацию управления и, следовательно, относится к конечному компоненту интенционной структуры, не может быть вторым сказуемым, оно может быть только дополнением. И с другой стороны, выражение, которое выступает в предложении в функции второго сказуемого, не может быть проявлением управления глагола-сказуемого. Второе сказуемое к дополнению имеет иное отношение к сказуемому (ядру предложения), чем дополнение. В то время как дополнение является показателем управления, второе сказуемое выражает признак этого показателя управления, действительный в тех временных и модальных рамках²⁶, которые обусловлены формой глагола, выступающего в роли сказуемого двучленного предложения или же ядра одночленного предложения.

²⁴ Ср. в «Морфологии словацкого языка»: «С глагольным действием может быть связано несколько зависимых субстанций. Отношение действия к ним не всегда одинаково, что выражается разными формами существительных» (указ. соч., с. 390). (Сходная мысль выражена и на с. 392.)

²⁵ Мы имеем в виду часто упоминаемые случаи типа *pokladať niekoho za blázna // za bláznivého* [«считать кого-л. дураком // глупым [человеком]»].

²⁶ О понятии временных и модальных рамок см.: J. Kačala, *Nieč v slovenčine doplnkovej vedľajšej vety?* — «Slovenská reč», 30, 1965, s. 223—232, 225 и сл.

Цель данной статьи — подчеркнуть принципиальную семантическую значимость падежей, показать, что для чешского и подобных ему языков целесообразно признать несколько (по видимому, пять) семантических типов падежных функций (§ 1), а концепция падежей, основывающаяся на одном из этих типов, была бы односторонней (§ 2), и, наконец, охарактеризовать два типа понимания структуры падежных значений (§ 3).

1. Сравним следующие чешские предложения:

(1) Přítelkyně mé sestry představila muže Vlastě.	«Подруга моей сестры представила мужа Власте».
(2) Přítelkyně mé sestry představila Vlastu muži.	«Подруга моей сестры представила Власту мужу».
(3) Sestra mé přítelkyně představila muže Vlastě.	«Сестра моей подруги представила мужа Власте».

Очевидно, что здесь при помощи падежных форм (далее для краткости: падежей) выявляются существенные различия между ситуациями, а именно кто, собственно, принимал участие в действии «представления» (в частности, в (1) и (2) это не сестра говорящего) и как (кто представлял кого кому)¹. Поэтому не может быть сомнения в том, что в этих и подобных случаях падежи обладают явной семантической значимостью (в смысле известной семиотической дефиниции семантики).

Проблема заключается лишь в том, как эту (или же иную семантическую) значимость падежей определить достаточно общим и при этом точным (и, насколько возможно, «что-то говорящим») способом. Представляется уместным использовать для этого два термина: *реляция* и *член реляции* (к толкованиям, оперирующим только первым понятием, или к тем, в которых для этих двух терминов нет приемлемой замены, следует априори-

Pavel Novák, K věcné platnosti pádů, jejich tzv. celostnímu (obecnému) významu a lokalismu. — «Slovo a slovesnost», 35, 1974, № 2, s. 88—95.

¹ Ср.: VI. Smilauer, *Věta*. — В сб. «První hovory o českém jazyce», Praha, 1946, s. 11.

ри относиться с недоверием)². Оставляя в стороне вопрос о том, как вообще можно в нашем случае применить эти термины, мы просто используем их двумя известными способами.

1.11. Первый из них опирается на тот вид парафраз предложений естественного языка формулами (низшего ряда) исчисления предикатов, с которыми мы встречаемся почти в каждом введении в логику (главным образом в упражнениях по переводу предложений естественного языка на язык логической символики)³. В этом случае реляция соответствует то, что обозначено грамматическим сказуемым⁴, а членам реляции — то, что обозначают лексические элементы имен существительных, синтаксически непосредственно связанных со сказуемым («подлежащее», «дополнения», «обстоятельства»). Принимая во внимание примеры (1) — (3) и их толкование, можно сказать следующее:

1.111. F_1 и F_2 . В окружающем нас мире мы встречаемся с деятельностью, действиями, состояниями, отношениями и т. п., которые можно понимать как случаи несимметрических или асимметрических двух- или многочленных реляций, причем таких, в которых сферы той же самой реляции не являются взаимно дизъюнктивными (например, кто-то представляет кого-то кому-то)⁵. Это порождает определенные потребности (задачи) языкового выражения. В нашем распоряжении должны быть средства не только для (функции типа F_1 :) сигнализации принадлежности предикатов и их аргументов⁶ (этого было бы достаточно, если бы существовали лишь одноместные реляции-свойства), но и для (функции F_2 :) дифференциации одновременно встречающихся разных аргументов одного и того же многоместного предиката. В некоторых языках для сигнализации подобной принадлежности и подобной («синтагматической» в отличие от «парадигматической» — см. 1.2) дифференциа-

² Термины *реляция* и *отношение* мы употребляем не как синонимы: *реляция* входит в ряд: *член реляции, предикат, аргумент; отношение* — в ряд: *действие, состояние* и т. д.

³ Ср., например, O. Zich a kol. *Moderní logika*. — «Malá moderní encyklopedie», Praha, 1958, s. 136.

⁴ В большинстве примеров будет выступать глагольное сказуемое (оно нас интересует прежде всего), однако это не скажется на общей значимости толкований.

⁵ Ср.: H. Reichenbach, *Elements of Symbolic Logic*, New York, 1966² (1947¹), p. 252. Естественно, что существуют и реляции симметрические или такие, в которых сферы той же самой реляции являются дизъюнктивными. К сожалению, у нас нет достаточно материала для количественной оценки соотношения случаев реляций отдельных видов. О терминологии многочленных реляций см.: V. Filkorn, *Úvod do metodologie vied*, Bratislava, 1960, s. 375 и сл.

⁶ Точнее, здесь (а нередко и в дальнейшем) следовало бы говорить об аналогах предикатов (аналогов в естественном языке) — то, что в логике называется предикатом, — и аналогах аргументов.

ции служат формы имен существительных, традиционно называемые падежами (беспредложными или «предложными»)⁷.

1.112. Обе эти функции падежи могли бы выполнять и в эксцентричном языке L_{12} , в котором бы к каждому n -местному предикату относилось бы n падежных форм (аналогов аргументов), отличающихся как друг от друга, так и от всех падежных форм, относящихся к остальным предикатам (проще говоря, в котором каждый предикат имел бы «свой» падежи). Об отношениях в L_{12} — в языке с F_1 и F_2 , выражаемыми падежами, было бы достаточно сказать, что определенный падеж сигнализирует всегда и только того, кто, скажем, представляет, и при этом не нужно было бы ради точности добавлять, как в чешском языке, что он сигнализирует того, кто представляет, при глаголе *představovat* (см. ниже 3.1).

На основе этих замечаний о L_{12} утверждение о том, что падежи сигнализируют то же самое, что порядок аргументов в формулах исчисления предикатов (падежи как показатели «места»)⁸, можно понимать в лучшем случае как утверждение о наличии разных способов выражения (реализации тех же самых потребностей), но не как объяснение функции падежей, ибо, как мы покажем в разделе 1.4, запись формул исчисления предикатов, использующая для дифференциации аргументов их позицию, сама требует дальнейшего объяснения.

1.12. F_2 . Второй способ выражения основывается на том, что реляцией можно считать и роль (способ проявления, участие) того, что обозначается лексемой имени существительного, синтаксически непосредственно связанного со сказуемым, в том, что обозначено сказуемым; а членами реляции в таком случае будет то, что обозначается лексемой имени существительного, и то, что обозначается сказуемым⁹. В соответствии с этим мы бы переформулировали, например, F_2 следующим образом: необходимо иметь средства для (F_2 :) дифференциации разных функций того, что обозначено лексемой имен существительных, синтаксически непосредственно связанных со сказуемым, в деятельности, действиях, отношениях и т. п.

⁷ Об отношениях падежа и предлога см.: St. Karolák, *Przypadek a przyimek*, *BPTI*, 23, 1965, стр. 143—158.

⁸ H. Reichenbach, указ. соч., стр. 252 и 325. С интересной критикой понимания Рейхенбахом близкой проблемы меры связанности между некоторыми членами предложения выступил Хмелевский. — см.: J. Chmielewski, *Językoznawcza analiza zdań podmiotowo-orzeczeniowo-dopełnieniowych wobec ich analizy logicznej*. — «Rozprawy Komisji Językowej łódzkiego Tow. Naukowego», 8, 1962, стр. 13—39.

⁹ Это понимание, имеющее в языкознании длительную традицию, приобрело формализованный облик только недавно, впервые в статье: D. Davidson, *The Logical Form of Action Sentences*. — В сб.: «The Logic of Decision and Action», N. Rescher (ed.), Pittsburgh (sine), стр. 81—95.

Этому способу выражения соответствовал бы эксцентричный язык L'_4 , в котором было бы столько символов для передачи функций, сколько было бы в L_{12} падежных форм¹⁰.

1.2. F_3 . От F_2 необходимо отличать F_3 — функцию, дифференцирующую «парадигматически»: возможен случай, когда при одном и том же глаголе в тождественной (или очень сходной) синтаксической позиции падежи конкурируют, различаясь семантически (конечно, при наличии общего лексического фона, ср. в чешском языке не только вин.: род. партитивный, но и выражения типа *spálit se sirkou : o sírku* «обжечься спичкой», «о спичку» (в первом случае подразумевается, что обжегшийся держит спичку в руке), *sáhnout pa pěso : po pěsem* «протянуть руку к чему-либо : за чем-либо», *koupit něco u někoho : od někoho* «купить что-либо у кого-либо»). Разумеется, подобные семантические различия можно выразить и лексически или описательно, однако очевидно, что, поскольку для их выражения используются падежи, речь идет об иной функции падежей, чем F_2 . Впрочем, это проявляется и в том, что F_3 можно реконструировать и в L_{123} , который отличался бы от L_{12} тем, что в нем к одному и тому же предикату могли бы относиться по крайней мере две (одновременно) несовместимые падежные формы, разные по значению (с другой стороны, можно представить себе язык L_{13} с F_3 и F_1 , но без F_2).

1.3. F_4 . В естественных языках, однако, некоторые аргументы разных предикатов выражаются одним и тем же падежом (им., вин., дат. встречаются и при других глаголах, не только у *představovat*). Тем самым эти аргументы (их функции) оказываются формально классифицированными и одновременно подобным же образом оказываются классифицированными и соответствующие предикаты, или же у них образуется так называемое «покрытие»¹¹. (Разумеется, существуют и другие способы формальной классификации аргументов и классификации или «покрытия» предикатов: отношение взаимовстречаемости падежей при предикате, по числу аргументов, по порядку слов, по конгруэнции сказуемого с грамматическими категориями некоторых аргументов или на трансформационной основе — при некоторых толкованиях трансформации; и самостоятельная классификация предикатов («диатеза»)). В таком случае становится возможным и действительно так происходит, что (F_4) в естественных языках подобной формальной классификации (или

¹⁰ Оба способа выражения в сущности являются равноценными, и мы могли бы их использовать произвольно. Однако мы будем применять и смешанный способ: предикат (кратко вместо аналог предиката, см. сноску 6) и роль аргумента (при предикате), ср.: L. and A. Wundheiler, *Some Logical Concepts for Syntax*. — В сб. «Machine Translation of Languages», W. N. Locke, A. D. Booth (eds.), New York, 1955, стр. 200.

¹¹ Покрытие в отличие от классификации-разбиения не должно выполнять условия дизъюнктивности классов, возникших в результате классификации.

же комбинированной с иными формальными классификациями) соответствуют (находясь в более или менее тесной ассоциативной связи) некоторые семантические (лексические, содержательные) *дистинкции* (примеры см. в 3.1). Точно так же, как F_1 — F_3 , F_4 относится к некоторым признакам ситуации, реальности, но в отличие от F_2 и F_3 она не дифференцирует — ни «синтагматически», ни «парадигматически» — отдельные функции аргументов при отдельных предикатах (глаголах), а только затрагивает какие-то типы функций аргументов, а тем самым и какие-то типы предикатов.

Семантический характер F_4 все же несколько иной, чем у остальных функций. Правда, мы можем себе представить, что и при наличии реляций, о которых шла речь в 1.11, можно было бы общаться на языке L_{12} или L_{123} , но лишь допустив совершенно нереальные способности человеческой памяти; в противном случае ясно, что подобный язык в действительности нельзя было бы изучить, освоить. Очевидно, по тем же причинам, по которым в естественных языках не могут существовать только немотивированные наименования, в них не могут быть немотивированными и все падежные конструкции. (Следует отметить, что мы обошли здесь когнитивный аспект семантического использования рассматриваемой формальной классификации и вопрос о так или иначе понимаемом приоритете формальных классификаций или смысловых различий.)

1.4. Теперь мы можем вернуться к доводам против чрезмерного упования на параллелизм между порядком аргументов и падежом при выяснении функций падежа. Во всяком языке, в котором для F_2 используется позиция аргументов (так, как в языках логики), аргументы по необходимости формально разделяются на первый, второй и т. д.¹², однако в языке логики эта формальная классификация не используется для передачи различий по значению (в смысле F_4). Если мы скажем, что определенный падеж естественного языка (или член предложения) соответствует, например, первому аргументу¹³, то это только кажущееся объяснение функции падежа (типичного для данного члена предложения), поскольку выражение «первый» относится лишь к формальному порядку аргументов слева направо и не несет какого-либо значения (в смысле F_4). (Подобные трудности очевидны и при употреблении выражений «валентность слева» и «валентность справа».) Из приведенных рассуждений видно, что использование аналогии между естественными

¹² К таким позиционным языкам можно представить и антиподы, подобные уже упомянутым эксцентричным языковым схемам, напр. L'_{24} , в котором число падежей было бы равно максимальному числу совместимых аргументов; все падежи были бы линейно организованы в систему, где действовало бы ограничение, что для n -местного предиката всегда используется n «первых» падежей (с точки зрения данного порядка).

¹³ См., например: O. Naess, *Versuch einer allgemeinen Syntax der Ausagen*. — «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», 11, 1939, s. 183.

языками и языками логическими должно быть связано с типологическим анализом последних.

1.5. F_5 . Остается еще одна функция падежей, которую при определенных условиях нельзя было бы выделить, а именно: если бы все адноминальные падежи (как составные элементы многословных наименований) имели явные формальные и семантические отношения с некоторыми адвербальными и вообще адпредикативными падежами (не только *západ slunce* «заход солнца» — *slunce zapadá* «солнце заходит»; *upálení Jana Husa* «сожжение Яна Гуса» — *upálili Jana Husa* «сожгли Яна Гуса», *Jan Hus byl upálen* «Ян Гус был сожжен»; но и *učitel mého syna* «учитель моего сына» — *ten, kdo je učitelem mého syna* «тот, кто является учителем моего сына» — *ten, kdo učí (učil) mého syna* «тот, кто учит (учил) моего сына»; *žák E. Filly* «ученик Е. Филли» — *ten, kdo je (byl) žákem E. Filly* «тот, кто является (был) учеником Е. Филли») ^{13a}.

Опираясь на старые высказывания А. Марти ¹⁴, который четко различал упомянутые случаи от случаев типа *dům p. Šamse* «дом г-на Шамса» (здесь посредством естественной парафразы получается более эксплицитное выражение *dům patřící p. Šamsovi* «дом, принадлежащий г-ну Шамсу»), мы можем сказать, что в этих последних случаях падеж сигнализирует (F_5 :) лишь то, что нечто, обозначенное родительным падежом существительного, находится в некотором отношении (из так или иначе ограниченной совокупности отношений) к тому, что обозначено существительным, от которого зависит существительное в род. пад., однако само отношение и даже функция обоих членов отношения не сигнализируются (правда, функция может быть ясна из лексического значения существительных); ср. известные случаи лат. *statua Myronis* (статуя, представляющая Мирона, принадлежащая Мирону, выполненная Миронем), *závody E. Skody* (находящиеся в собственности), *závody V. I. Lepina* (названные в его честь), *Vítěv Karel* (сын, товарищ); ср. в связи с этим аналогии со словообразованием: *popelář* «мусорщик» — кто убирает мусор, *harmonikář* «гармонист» — кто играет на гармонике, *gubář* «рыбак» — кто ловит рыбу ¹⁵.

^{13a} О подобных парафразах см., например: D. Kalish a R. Montague, *Logic, Techniques of Formal Reasoning*, New York — Chicago — San Francisco — Atlanta, 1964, p. 240.

¹⁴ A. Marty, *Zur Sprachphilosophie. Die «logische» «lokalistische» und andere Kasustheorien*, Halle a. S., 1910, s. 76; ср. также: A. Mirowski, *O grupach syntaktycznych z przydawką*, «Towarzystwo Naukowe w Toruniu. Prace», wyd. filol.-filoz., tom I, zeszyt 3, Toruń, 1949, s. 56.

¹⁵ Думается, что толкования, данные в 1.5, не согласуются с понятием падежа, как оно представлено в рецензии М. Докулила: «Nad monografií Jána Oravce «Väzba slovíes v slovenčine», *NŘ*, 51, 1968, с. 228, сноска 9. — К вопросу об аналогии со словообразованием см.: М. Dokulil, *Tvoření slov v češtině*, 1, Praha, 1962, с. 35 и сл.

1.6. Суммируем наши соображения о F_1 — F_5 . Прежде чем наметить проблематику соотношения отдельных (типов) падежных функций, необходимо уточнить один момент, а именно что мы имеем в виду в формулировках о падежах (падежных формах): их конкретное проявление (tokens «знаки, признаки») или же типы. Если мы подразумеваем проявление, то, за исключением F_4 , ни одна из функций не может касаться всех проявлений (всех) падежей: о F_1 речь может идти только в тех случаях, когда в «опасной» близости нет глагольных форм, с любой из которых могло бы быть синтаксически связано имя существительное в данном падеже; о F_2 — только при аналогах аргументов многоместных предикатов; о F_3 — только при тех предикатах, при которых возможна соответствующая семантическая дифференциация; F_5 — только при адноминальных падежах в том случае, когда существительное, от которого зависит падеж, является — если оно выступает в роли сказуемого — одноместным предикатом.

За исключением F_5 , сведение которой к той или иной функции допустимо, все остальные функции в концептуальном отношении являются достаточно самостоятельными.

Учитывая, что F_1 может выполняться порядком слов, а также то, что трудно привести доводы, доказывающие невозможность функционирования языка без F_3 и F_5 , можно признать F_2 и F_4 функциональным минимумом падежей (причем F_2 обусловлена скорее свойствами реальности, а в известном смысле надстроечная F_4 — скорее свойствами носителей языка), а падежи определить как формы имен существительных, которые выполняют по крайней мере F_2 и F_4 — если давать чисто формальную дефиницию ¹⁶.

2. В рассуждениях, содержащихся в первом разделе, трудно найти обоснование того, что одна из функций падежей является семантической в большей мере, чем другие. Однако в литературе, посвященной падежам, мы встречаемся с представлениями, генезис которых можно было бы реконструировать следующим образом. Исходят из F_3 , у которой семантический характер дистинкций очевиден с первого взгляда (как эвристический прием это удобно), затем эту функцию начинают именовать семантической. Дальнейшее — уже результат чисто вербального механизма: остальные типы употребления падежей оказываются тогда «несемантическими», «чисто» грамматическими, синтаксическими ¹⁷, внутрисистемными и т. п. Следующим шагом являет-

¹⁶ А. В. Гладкий, К определению понятия падежа и рода существительного, *ВЯ*, 1969, № 2, стр. 110—123.

¹⁷ Ср., например, формулировку К. Гаузенблаза о том, что падежи всегда имеют синтаксическую функцию, однако иногда наряду с ней и функцию семантическую. Это утверждение основывается на решении использовать термин «семантический» лишь для обозначения употребления в соответствии с нашей F_3 . (См. «Vývoj předmětového genitivu v češtině», Praha, 1958, s. 18). Ср.

ся требование, чтобы при установлении значения падежей были исключены такие случаи, когда падеж имеет «чисто» синтаксическую функцию, когда он является делом «только» управления и т. п.¹⁸. Это, однако, совершенно произвольные ограничения, исключающие возможность того, что для выполнения данной функции при конкретном глаголе или типе глаголов — в функции F_4 — с семантической точки зрения подходит именно определенный падеж или — при наличии нескольких — в данном случае узуальный является как раз этот падеж¹⁹.

3. Этот раздел посвящен прежде всего F_4 .

3.1. В разделе 1.112 мы показали, что для L_{12} не было бы необходимости соотносить данные о функции аргументов с типами глаголов. Такой необходимости не было бы даже в том случае, если бы падежей было столько, что формы каждого падежа служили бы для выполнения одной явной роли при четко ограниченном в смысловом отношении круге предикатов (обозначающих, например, восприятие, производство орудий, потребление пищи, физическое столкновение конкурентов) или большего числа таких ролей у разных групп предикатов, однако совершенно четко различающихся. Достаточно было бы сказать, что падеж X сигнализирует, например, функцию воспринимаемого объекта или производимого орудия.

Как известно, ситуация более сложная. Функции некоторых аргументов у предикатов разных семантических групп являются близкими, так что один глагол может иметь несколько синонимических конструкций, ср., например: *žádat* «просить, требовать» *něko ho oč* — как *upomínat* «напоминать», *obehrát* «обыграть» *něko ho oč*; *žádat něco od něko ho* — как *čekat* «ожидать», *slibovat si* «обещать себе», *koupit* «купить» *něco od něko ho*; *žádat něco na někom* — как *umáhat* «вымогать», *vybojovat* «добиться» *si něco na někom*; *žádat něco po někom* — как *chtít* «хотеть» *něco po někom*; иногда таких конструкций несколько, но узуальной является только одна, ср. чеш. *dědit* «наследовать» *po někom* по сравнению с рус. *унаследовать от кого*. Однако все это сложности грамматических категорий, к которым мы привыкли и которые не должны нас удивлять.

также род имен прилагательных, типичный пример «чисто синтаксической» грамматической категории. В тех языках, где последовательность прилагательного и существительного не грамматикализована, согласование прилагательного в схеме сущ. + прилаг. + сущ. имеет явно семантическую функцию (только оно сигнализирует, чему приписывается, в частности, качество, обозначаемое прилагательным).

¹⁸ См., например: A. W. de Groot, *Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas.* — «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally», Genève, 1939, p. 124 и сл.

¹⁹ L. Hjelmslev, *Principes de grammaire générale*, 1928, p. 139. Ср. также: F. Sommer, *Vergleichende Syntax der Schulsprachen*, Leipzig-Berlin, 1925², s. 12; M. Dokulil (выступление в дискуссии), «Lexikografický sborník», Bratislava, 1953, s. 36.

Главные трудности в изучении падежей состоят, очевидно, в следующем: а) падежи являются синсемантическими (А. Марти, см. сноску 14), и потому для постижения их сущности необходимо учитывать формальные и семантические свойства (не всегда достаточно определенные) релевантных форм других слов (глаголов и др.); б) возможны, как мы отметили в разделе 1.3, и другие формальные классификации аргументов (а тем самым и предикатов), а не только морфологическая (посредством одинаковых форм аргументов), кроме того, возможны и самостоятельные классификации предикатов и комбинации всех этих классификаций; в) не исключено, что в разных языках и даже в рамках одного и того же языка различные комбинации классификаций являются семантизированными (в смысле F_4)²⁰. Поэтому трудно выделить собственное значение падежа, семантическую долю падежа в общем, глобальном значении конструкции, составной частью которой он является. Представляется, однако, ясным, что эмпирической основой исследования являются утверждения типа / \bar{A} /: «падеж X у сущ. типа Y имеет значение (функцию) Z у предикатов типа U в конструкции V », где Z явно закреплено эмпирическим путем и в большинстве случаев содержит также элементы значения, выходящие за рамки собственной семантической доли падежа. Таким образом, эти утверждения довольно похожи на те формулировки, с которыми мы встречаемся в традиционных работах с перечислением значений падежей (эти перечни могут быть — на базе знаний о частой соотносительности лексико-семантических и конструктивных свойств глагола — обработаны с учетом комбинаторики падежей или же возможностей формально правильных парафраз падежных конструкций).

Пример. Возьмем конструкцию \bar{A} $na + A$ у глаголов *degradovat* «познизить (в чине и т. п.)», *kandidovat* «выдвинуть (кандидатом и т. п.)», *navrhovat/navrhnout* «предлагать/предложить», *korunovat* «венчать, короновать», *pasovat* «посвящать, производить (в рыцари)», *romazat* «возвести (на трон)», *posvětit* «посвятить», *rovýšit* «повысить», *promovat* «выпустить, выдать диплом», *přeškolit* «повысить квалификацию», *vysvětit** «освятить», *vyškolit* «выучить»; $na + A$ у глаголов *kandidovat* «быть кандидатом (на пост и т. п.)», *studovat*, *učit se* «учиться», *vycvičit se* «натренироваться», *vyrasovat se* «достичь трудом», *vyučit se* «выучиться», *vzdělávat se* «получать образование». Некоторые из них имеют также конструкцию / \bar{A} / $za + A$ — например *posvětit*; I — например *vyučit se*, или же обе — например *korunovat*, причем иногда конкурирующие конструкции

²⁰ Ср., например: W. Driver, *The System of Agency of the Latin Noun*. «Word», 20, 1964, p. 178—196 (он рассматривает падеж и число аргументов при одном и том же предикате).

* В оригинале, по-видимому ошибочно, — *vysvětilit* «объяснить». — Прим. ред.

имеют разную стилистическую окраску. (Некоторые глаголы того же самого типа имеют только иные конструкции, как, например, *ustanovit* «назначить», *zvolit* «избрать» *AI* или *A za + A*.) Во всех этих случаях глаголы обозначают способ, которым осуществляется общественная карьера или подготовка к ней (за исключением глагола *degradovat*, который означает движение вниз). В *na + A* фигурируют названия носителей званий, служащих (по профессии) и функционеров. Если мы скажем, что в этих случаях *na + A* указывает на место в социальной иерархии (звание, функция, должность, профессия), на которое кто-то назначает или претендует (это уточняет глагол), то из этого не следует, что мы отказываемся от намерения — на фоне связей данного типа использования конструкции *na + A* с другими типами употребления предлога *na* — постичь собственный семантический вклад предлога в конструкцию в целом (аналогично с аккузативом).

Изучение связей между фактами, фиксируемыми в формулировках типа /A/, может вестись — на основе признания разных системных и структурных схем — в принципе по двум направлениям. Каждое из них может иметь разную степень эксплицитности.

3.21. Стремление преодолеть зависимость формулировок типа /A/ от типа предиката и др. приводит к формулировкам типа /B/ «падеж X имеет значение Z». Кажется, что из числа условий, при которых это имело бы смысл, представляет интерес следующее: все глаголы (и вообще аналоги предикатов) должны быть приспособлены для такого единообразного семантического анализа, чтобы их можно было подвести под единый общий семантический тип, от которого можно было бы отталкиваться.

Это направление представляет известная концепция целостного (общего) значения падежей (и грамматических категорий вообще). Она предполагает существование семантического инварианта падежа, отдельные употребления которого (частные, парциальные значения) представляют собой некие комбинаторные варианты²¹.

Хотя эта концепция в последние годы была во многом уточнена²², ее слабым местом по-прежнему остается — наряду с необходимостью дальнейшего уяснения упомянутой аналогии с планом фонетическим — недостаточная эксплицитность и систематичность при выведении частных значений из целостного значения (что создает возможность кругов при выведении).

²¹ См.: М. Докулл, К otázce morfológických protikladů, *SaS*, 19, 1958, s. 81—100; Р. Новák, К otázce obecného významu gramatických jednotek, *SaS*, 20, 1959; s. 81—87 (там же указана соответствующая литература).

²² См.: М. Докулл, К pojetí morfológické kategorie. — «Jazykovedný časopis», 18, 1967, s. 20 и сл.; J. Veyrenc, Structure aléatoire de l'énoncé minimum: syntaxe du préverbe en russe. — В сб. «Otázky slovenské syntaxe», II, Brno, 1968, s. 269—276.

Возможности развития этой концепции, по-видимому, еще не исчерпаны.

Что касается онтологического статуса целостных значений, то они явно носят характер теоретических конструктов²³ и совершенно неправильно считать их эмпирическими данными, как это делает Э. Косериу²⁴.

3.22. Второе направление характеризуется выбором определенного типа употребления каждого падежа (как это фиксируют формулировки типа А) в качестве основного, немотивированного, и выведением всех (или большинства) остальных типов употребления непосредственно или опосредствованно из основного.

Выразительным представителем этого направления является локалистическая теория, в которой немотивированными считаются употребления падежей для обозначения локальных и пространственных отношений (этим я не хочу сказать, что данная теория ограничивается рассматриваемым направлением исследования, она может — как криптолокалистическая²⁵ — затрагивать и область первого направления).

На общий упрек в адрес локалистической концепции: почему локальность должна иметь решающее значение для теории падежей²⁶, можно ответить (снова со ссылкой на А. Марти, соч., указ. в сноске 14, с. 103), что выражение в той или иной мере абстрактных отношений при помощи средств, применяемых и для передачи явлений конкретных, материальных и наблюдаемых, является в языке вполне обычным и не ясно, почему именно сфера падежей должна в этом плане быть исключением.

Локалистическая концепция может опереться на широкую материальную базу. Трудно не заметить явлений, которые в разных языках повторяются у падежей, предлогов и, кроме того, у аффиксов²⁷ и лексических единиц: как известно, причина (чего-либо) часто выражается той же формой (теми же формами), что и удаление (от чего-либо — ср. рус. *из, с + G, от, из-за*), цель — так же, как приближение (ср. чеш. *k, na + A*), средство, посредство, способ — как движение по какому-то пути (ср. чеш. *I*), так называемый объект сравнения неодинакового признака у компаратива — как удаление (словацкое и др.-чеш. *od*), выделение в пространстве (чеш. *nad + I*), про-

²³ О. Leška, Zur Invariantenforschung in der Sprachwissenschaft. *TLP* 1, 1964, s. 90 и 93.

²⁴ E. Coseriu, Semantik, innere Sprachform und Tiefenstruktur. — «*Folia linguistica*», 4, № 1/2, стр. 59.

²⁵ См.: Р. Новák, О «klamu» gramatické formy, *SaS*, 34, 1973, s. 148.

²⁶ V. Skalička, Poznámky k teorii pádů, *SaS*, 12, 1950, s. 135 и 149. Явно локалистическими являются концепции падежа в работах: D. Колеčníá, О významech pádů v současné češtině, zejména v místních určeních, *SaS*, 30, 1969, s. 347—356; О. Улиční, К pádovému systému v češtině, «*Slavia*», 42, 1973, s. 347—361.

²⁷ J. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax, mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch, 1, Basel, 1920, S. 304.

О СУЩНОСТИ МОДАЛЬНОСТИ

странственная близость (венг. *pál/-nél* «около») и др.²⁸; (бесспорный) агенс выражается как удаление (ср. чеш. *od + G* в пассиве), так называемый внутренний объект — как направленность (куда-то), соприкосновение (ср. чеш. *A*) и др.

Эти регулярные явления можно при помощи подходящих форм систематизировать и объяснять²⁹. Речь идет, с одной стороны, об установлении фактов типа «значение X выражается так же, как значение Y_1, Y_2, \dots »³⁰, с другой стороны — о выявлении связей между подобными утверждениями (совместимость выражений значений X, Y одинаковой формой с выражением значений U, V такой же формой; и несовместимость, односторонняя и взаимная обусловленность). *Объяснение* же отмеченной регулярности следует искать и за рамками лингвистики, в психофизической конституции человека, в его социальной обусловленности, его производственном или культурном творчестве³¹.

4. *Заключение.* Акцент на рассмотрении отношения падежей к действительности, что было в центре нашего внимания в § 1, не нов³². Однако я надеюсь, что благодаря дифференциации некоторых типов падежных функций мне удалось внести свой вклад в создание нейтральной общей базы для сопоставления падежей с остальными грамматическими категориями как в плане семантическом, так и формально-грамматическом, способствовать этим познанию специфических трудностей в исследовании падежей и, значит, тому, чтобы эти трудности были преодолены лингвистической теорией более реалистическим путем. Наряду с этим были показаны (в § 3) два принципа построения концепции падежного значения; с этим связаны такие проблемы, как место указанных принципов в ряду других возможных принципов, раскрывающих структуру падежа, эмпирическая основа отдельных принципов, возможности их одновременного применения при описании конкретного языка и др.

²⁸ Один из моих сыновей, когда ему было четыре года, сказал: «*Táto, až budu velkej přes tebe, ...*» — «Папа, когда я буду большой через тебя...». Он использовал выражение, хотя и несвойственное чешскому языку, но в то же время не выходящее за рамки общих правил образования компаративных конструкций. В древнечешском языке тоже была компаративная конструкция *přes + A* (см.: J. Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého*, IV (Skladba), Praha, 1929, s. 206—207).

²⁹ J. Lyons, *Introduction to Theoretical Linguistics*, Cambridge, 1971, p. 302.

³⁰ Ср.: P. Novák, *A New Approach to the Innere Sprachform Issue* «*Teorie a metoda*», 3, 1971, č. 1, s. 118—119.

³¹ Простой пример (классификационного) объяснения см. в моей статье, указ. в сноске 25, с. 148. Ср.: В. Скаличка, *О переносных значениях в грамматике.* — Сб. «*Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов*», София, 1957, с. 520.

³² См. работы последнего времени: V. Skalička, *Poznámky...*; C. J. Fillmore, *Subjects, Speakers, and Roles*, «*Synthese*», 21, 1970, с. 264 и сл.; З. Д. Попова, *К теории падежного значения*, ВЯ, 1970, № 4, с. 92—101. Ср.: J. Kořenský, *Komplexní popis výrazové struktury pádu substantiva v češtině*, «*Studie CSAV*», 6, Praha, 1972, s. 11—13.

1. Каждое высказывание, каждое «активное, выраженное языковыми средствами отношение говорящего к действительности» всегда имеет какой-либо модальный статус. Поэтому модальность справедливо считается существенной чертой высказывания.

1.1. Хотя общим и частным вопросам модальности высказывания, в особенности средствам ее выражения, уделялось немалое внимание, совершенно очевидно, что вопрос точного и общепринятого определения этой категории в лингвистике продолжает оставаться открытым¹. Сам же я убежден, что вряд ли возможно посредством какого-либо определения проникнуть в сущность категории модальности предложения, причем не только в силу различного ее понимания, но прежде всего в силу сложности самого понятия.

1.2. Поэтому я ограничусь попыткой выделить и охарактеризовать то, что, по моему мнению, бесспорно относится к области модальности, и отделить то, что туда не относится, хотя вопрос структуры модального уровня высказывания неоднократно рассматривался и излагался².

2. В комплексном понятии «модальность высказывания» целесообразно выделить три аспекта, а именно модальность *общую (основную)*, модальность *волеуказательную* и модальность *истинности (правдивости)*.

Общая (*obecná, postojová*) модальность имеет характер *конститутивной модальности высказывания*, так что именно она является существенной чертой каждого высказывания. Иначе говоря, каждое высказывание имеет модальный статус именно в плане общей модальности. Два других модальных плана, то есть волеуказательная модальность и модальность истинности,

Miroslav Grepl, *K podstatě modálnosti.* — In: «*Otázky slovanské syntaxe*» III, Brno, 1973, s. 23—38.

¹ Обзор различных взглядов на категорию модальности см. у Ст. Жажа в этом же сборнике, с. 15—21.

² Некоторые наши идеи обсуждались в коллективе брненских синтаксистов и поэтому представляют собой не только взгляды и позицию автора настоящего доклада.